

Большая часть современников Крымской (Восточной) войны 1853–1856 г. считала, что война возникла по казавшемуся несущественным поводу – из-за спора между Россией и Османской империей о статусе священных мест в Палестине. На самом деле существовало несколько – гораздо более важных – причин. В 1833 г. Россия помогла султану Махмуду воспрепятствовать захвату Константинополя войсками восставшего против него египетского паши. Отношения между Россией и Турцией приобрели столь доброжелательный характер, что новый линейный корабль Черноморского флота России был назван «Султан Махмут». Англия с 1834 г. опасалась контроля России над проливами Босфор и Дарданеллы. Антироссийские настроения английских властей видны из переписки посла в Турции Д. Понсонби с министром иностранных дел, которым в тот период являлся лорд Пальмерстон. О намерениях англичан доносили русские военные атташе в Европе. Начальник Главного морского штаба А. С. Меншиков сообщил командиру Черноморского флота вице-адмиралу М. П. Лазареву о возможности английского нападения на Севастополь. Поэтому в феврале 1834 г. М. П. Лазарев запросил средства на срочное строительство укреплений вокруг Севастопольского порта, а в 1835–1836 гг. реализовал такие фортификационные мероприятия, которые не позволили агрессорам в 1854 г. сразу захватить Севастополь.

Возглавив кабинет, лорд Пальмерстон стал вынашивать планы нанесения урона России, вступившей в фазу экономического подъема, тогда как

сама Англия переживала финансовый и сельскохозяйственный кризисы. В этих целях уже с конца 1840 г. английские офицеры флота и разведки, консульские представители, некоторые английские купцы и крымские татары осуществляли сбор стратегической информации о русских портах, средствах их обороны, путях доставки продовольствия и боеприпасов из центральных регионов страны в Крым и порты Кавказа. Британии удалось выйти из кризиса, пустив в экономический оборот огромные средства контрибуции, полученные от Китая по результатам так называемой «первой опиумной войны» (свыше 25 млн фунтов стерлингов). Но уже к 1851–1852 гг. прибыли в Англию стали уменьшаться из-за волнений в Индии, неурожая, сокращения площади пахотных угодий в метрополии. К тому же русские купцы, торговавшие с Англией пшеницей, льном, пенькой, требовали повышения цен на продукцию, что не устраивало английских посредников, фактически контролировавших торговлю через порт Санкт-Петербурга.

Инвестиции, осуществленные генерал-губернатором Новороссии, графом М. С. Воронцовым и купцами Донской области в угледобывающие копи Восточного Донбасса уже к середине 1840-х годов способствовали увеличению добычи антрацита – стратегически важного энергетического сырья. Его нехватка сдерживала развитие парового флота России. Хотя южнорусский антрацит был несколько дороже английского, но превосходил его по качеству. В результате русский уголь стал теснить английский на рынках Средиземноморья и

отчасти Балтики. Поэтому англичане стремились осуществить блокаду портов Черного и Балтийского морей для подрыва внешней торговли России и нанесения урона развивающейся русской промышленности. Этот прием ими был уже опробован. В 1815 г., «под шумок» войны с Наполеоном, английская артиллерия уничтожала фабрики и промышленные предприятия Франции с целью устранения конкурентов.

Важнейшей заботой британского правительства было сохранение Индии – «бриллианта в короне империи». К 1855 г. Англия владела всей Ост-Индией (кроме Бутана и Непала), где насчитывалось 150 млн жителей, что вдвое превышало население России и четверо – Франции. Эта подконтрольная территория давала огромные доходы Ост-Индской кампании и, соответственно, английской экономике, прежде всего за счет сбыта в Индии хлопчатобумажных, шерстяных тканей, орудий труда и произведений машиностроительной отрасли. Планировавшийся в 1799 г. Наполеоном и Павлом I поход на Индию стал сущим кошмаром для англичан. Британское правительство изыскивало любые способы военного и административного прикрытия подходов к Индии со стороны России. В этом отношении наибольший интерес для него представлял Кавказ.

Поначалу в горы проникли агенты «Интеллидженс сервис» – Белл и Лонгворд, маскировавшие свою деятельность против России сбором этнографических материалов. С помощью османских офицеров они создавали базы на Кавказе, распространяли ложные сведения, подстрекая горцев к выступлениям против России. После появления «армии Шамиля» и больших потерь русского отряда, в 1845 г. выведенного в горы графом М. С. Воронцовым на захват ставки Шамиля, надежды Англии на вовлечение Кавказа в сферу своих интересов укрепились. Правительство Англии при поддержке парламента приступило к обсуждению идеи создания «Великой Черкесии» под британским протекторатом.

Согласно планам агрессоров, после захвата Крыма и ликвидации военных баз в Днепро-Бугском

лимане (военный порт Херсон и корабельные верфи в Николаеве) в 1854–1855 гг. англо-французские и турецкие войска, отряды горцев Шамиля должны были выйти на Северный Кавказ, отсекая от России Кубань и Ставрополье. В дальнейшем предполагалось развивать наступление до широты Воронежа, после чего начать переговоры с Россией «с позиции силы». В Крыму же планировалось возродить Крымское ханство.

В геополитические планы Британии входили блокада, а фактически, как показали события, разгром русских крепостей, уничтожение инфраструктуры портов и торговых центров в Черном море и на Балтике (включая разгром Кронштадта и высадку десанта в Санкт-Петербурге), в Баренцевом и Белом морях. Еще с начала XIX в. англичане присматривались к владениям Российско-Американской компании от Аляски до Сахалина, которые по указу Александра I были объявлены собственностью России, а позднее согласованы международными договорами с Англией и США. Отнять Аляску у России еще в 1849–1851 гг. Англии помешало исчезновение во льдах кораблей капитана Дж. Франклина. Адмиралтейством ему было поручено найти наиболее короткий и, следовательно, рентабельный для перевозок морской путь из Англии к Аляске через северные моря Баффина и Бофорта.

Мотивы участия Франции в войне против России были иными. Французский император Наполеон III жаждал отомстить Николаю I за нежелание признать за ним династические права на цифру «III» в титуле, а России – за разгром Первой Французской империи. Он жаждал исключить из международных договоров 1815 г. пункты, низводящие Францию до уровня рядовой европейской страны. Неспроста высадка французских войск в Евпатории была осуществлена 2 сентября, в день нашего Бонапарта на Москву, а штурм Малахова кургана – 18 июня, в годовщину Ватерлоо.

Это был человек импульсивный, злопамятный, склонный к интригам и демонстративным жестам, за которыми часто скрывались «темные» замыслы, подобные государственному перевороту 1851 г., в результате которого из президента он превратился

в императора Наполеона III. В конце 1854 – марте 1855 г. западные газеты неоднократно сообщали о его планах прибыть в Крым, чтобы самостоятельно определять направление боевых действий. Наполеон III приказал обеспечить телеграфное сообщение между Парижем и Крымской штаб-квартирой французских войск, намереваясь проводить в жизнь собственные идеи. Эту задумку ему не удалось осуществить, так как командующий французской армией на тот момент генерал Пелисье прямо заявил: «Либо он сам будет планировать и осуществлять боевые операции, либо пусть император приезжает в Крым и командует». Подобный демарш был слабой попыткой Пелисье отомстить за унижение 1851 г. Отправка в Крым маршала Сент-Арно, генералов Канробера, Пелисье и других было своеобразным наказанием за их оппозицию Наполеону III при государственном перевороте.

Именно французский император способствовал формированию «Восточно-пограничной» армии, которую он пытался перебросить через прусскую территории к польскому участку западной границы России. Это разрекламированное намерение заставило русские власти строить фортификационные сооружения в Галиции, в теснинах отрогов Карпат, около Лемберга и Пршемесьля, в Кракове, вдоль молдавской границы. Если учесть огромные расходы, организационные усилия Франции по пополнению рядов войск в Крыму, несмотря на острую нехватку рабочих рук в сельском хозяйстве, станет очевидно – речь вряд ли шла только о восстановлении «прав Французской империи» и возврате Франции «на прежнее место между народами». Видимо, подлинные планы французского императора остались неизвестными. Нельзя исключать, что у него на начальном этапе мог зреть план своеобразного повторения военной операции Бонапарта 1812 г.

В конце лета 1854 г. газеты англо-французского союза начали пропагандистскую кампанию, извещая европейцев, что «война будет иметь следствием упрочение европейского мира, охранение Европы от завоевательных замыслов России, исключение России из числа цивилизованных стран». В искаженном свете представляли подавление польского

мятежа 1833 г. и помощь Австрии в разгроме венгерских мятежных войск в 1849 г. Говорилось о приоритете международного права. Тем временем англо-французские эскадры с десантами на борту уже в августе 1854 г. были направлены для разгрома русских баз и уничтожения русских судов в Баренцевом и Белом морях, на Тихоокеанском побережье. Особое место в их планах занимал новый русский опорный пункт – Авачинская бухта (губа) на Камчатке.

Весной 1849 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев озаботился проблемой повышения эффективности работы охотоморского порта, обеспечивавшего перевозку мехов из Аляски в Якутск и Иркутск. Он не ограничился знакомством с докладными записками офицеров, подыскивавшими наиболее подходящие участки побережья Охотского моря для переноса морской базы из небольшого поселка Охотск. После личного обследования на судах Охотского побережья и Камчатки Н. Н. Муравьев послал в морской штаб докладную записку, в которой предлагалось переместить морские силы и восточное управление Российско-Американской компании из Охотска в Авачинскую губу. Губернатор утверждал: «... при малейшей перемене отношений [России] с [иностранными] морскими державами [Камчатка с Авачинской губой] может быть безвозвратно у нас отнята – одним [неприятельским] шлюпом или шхунуой». В отчете министру внутренних дел Л. Перовскому Н. Н. Муравьев писал: «Авачинскую губу надо укрепить, а без того она будет игрищем самой незначительной враждебной эскадры; там ныне уже были два английских военных судна. Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россией, чтобы завладеть [Авачинской губой] и потом заключить мир, но Авачинской губы она уже нам не отдаст».

Николай I вынес единственно верное решение: срочно перебазироваться из Охотска на Камчатку. В течение коротких навигационных периодов 1850, 1851 и 1852 гг. Сибирская флотилия, суда которой всегда строились на берегах Охотского моря, обеспечила перевозку казенного имущества и служащих на Камчатку. Оставался всего один год мирной

жизни нового порта и военной базы России на Тихоокеанском побережье.

Утром 17 августа 1854 г. в Авачинскую губу вошел трехмачтовый английский колесный пароход «Вираго» под фальшивым американским флагом. На другой день в залив вошла эскадра, состоявшая из трех английских и трех французских кораблей. К полудню неприятельские суда открыли огонь по русским батареям. Именно на исходе этой артиллерийской дуэли ядром из русской пушки был убит английский адмирал Прайс. Залегшие в прибрежном кустарнике русские стрелки столь удачно обстреляли англо-французский десант, что те в панике с трудом смогли ретироваться, потеряв убитыми, упавшими со скалы и утонувшими не менее 400 человек. Русские чиновники Российско-Американской компании, находившиеся на борту захваченных англичанами шхуны «Анадырь» и транспорта «Ситха», позже сообщили, что фрегат «Президент» едва дошел до канадского берега, поскольку его корпус в нескольких местах был пробит насквозь. Серьезные повреждения и потери личного состава имели и другие корабли.

В октябре 1854 г. англо-французская эскадра вышла на боевую позицию у входа в Севастопольскую бухту. Агрессоры были убеждены, что мощь их корабельной артиллерии позволит смести укрепления Севастополя. Но береговые батареи союзников западнее Севастополя были подавлены русской артиллерией, а англо-французскому флоту нанесен серьезный урон. Погибли сотни матросов и офицеров, в том числе весь штаб французского командующего, адмирала Гамелена. Корпуса многих парусных кораблей и даже пароходов были пробиты насквозь, а такелаж сожжен. В начале июня 1855 г. при очередном обстреле Севастополя русские артиллеристы Константиновского форта потопили четыре канонерские лодки, а один пароход взорвался от попадания в кюйс-камеру или машину. Это событие засвидетельствовал корреспондент Венской военной газеты.

В ноябре 1854 г. на Черном море разыгрался шторм, достигший небывалой силы. В прибрежных водах Крыма затонули или были разбиты о скалы

десятки военных кораблей и значительное число транспорта с лошадьми, боеприпасами и подводным оборудованием для расчистки входа в Севастопольскую бухту. Гибель при урагане большого количества лошадей, а позднее расстрел русской артиллерией английской бригады легкой кавалерии поставили крест на планах захвата Северного Предкавказья и степей Северного Приазовья. Но и бои под Севастополем показали призрачность надежд на победу над Россией, поскольку каждая попытка штурма укреплений и каждая вылазка русских добровольцев приводили к значительным жертвам агрессоров. Газета Nord в этой связи написала: «Еще недавно союзные газеты потешались над русским солдатом, а сейчас отдают должное его мужеству и воинской выучке». Генерал Пелисье в начале 1855 г. критиковал командующего Канробера за его неспешное осуществление военных операций. Но став сам во главе армии, быстро убедился, что русские солдаты более ловкие, смысленные и храбрые, чем французы, а тем более англичане и отказался от своих прежних скороспелых прожектов.

В конце 1854 г., зимой-весной 1855 г. все попытки неприятельских войск овладеть севастопольскими укреплениями оканчивались огромными потерями. С сентября 1854 г. ряды англо-французских войск «косили» холера (которую они завезли в Крым из болгарских владений Турции, где у французов погибло 14 тыс. человек), цинга, простудные заболевания, а с 1855 г. к ним добавился и тиф. На английских кораблях Балтийской эскадры свирепствовала оспа. Едва ли не ежедневно из Крыма отправлялись суда, отвозившие в госпитали Константинополя, Скутари, Мальты и Марселя сотни и тысячи раненых и больных. Так продолжалось до сентября 1855 г. В преддверии холодов русские войска уже не могли оставаться в развалинах южной части Севастополя, уничтоженной жуткими обстрелами англо-французов. Скрытно от неприятеля ночью 9 сентября (28 августа) 1855 г., взорвав оставшиеся укрепления и здания, свыше 40 тыс. русских воинов по наплавному мосту перешли на северную сторону Севастополя. Думающие западные журналисты и политики, русские обозреватели неоднократно

подчеркивали, что не французы (роль остатков английских войск была ничтожна) захватили Южный Севастополь, а русские войска осознанно оставили его. Там уже нечего было защищать. Но это событие породило надежды политиков Англии и Франции, что русские войска уйдут с северного побережья Севастопольской бухты. Уже концу ноября русскими войсками на северной стороне было воздвигнуто несколько капитальных редутов, установлены новые батареи. Фортификационные мероприятия были дополнены организацией ночного патрулирования бухты с помощью весельных ботов. Комплекс мер русского командования сорвал несколько попыток неприятеля скрытно подойти и высадить десанты на северном побережье. Не удалась и попытка прорваться сухопутным отрядам к Симферополю через Байдаракскую долину.

Обычно зарубежные историки показывают ничтожные потери англичан и французов, «гостивших» под стенами севастопольских укреплений. Начало этому положила газета «Монитор», утверждавшая, что англичане потеряли не более 14 тыс. человек. Историк Б. Ц. Урланис без ссылки на источник утверждает, что число убитых англичан в Крыму составило 2755 человек, а Франция, со ссылкой на данные главного врача армии Шеню и врача Мораш, потеряла в боях и умерших от ран 20 240 человек. Что же касается турецких и сардинских войск, то едва ли не все европейские и даже русские исследователи утверждают об отсутствии сведений по этим странам или приводят парадоксальные цифры: сардинцы потеряли убитыми 12 человек, а Турция – 10 – 10,1 тыс. человек. Почему же тогда сардинцы вынуждены были уже в июле – августе отправлять значительное пополнение в Крым, а турецкие власти вывели из Крыма все свои войска, не считая англо-турецкой (башибузукской) дивизии под Керчью?

Бельгийская газета Nord в сентябре 1855 г. сообщила следующую информацию, которая циркулировала в Берлине, Брюсселе, Риме, Париже и других европейских столицах: «Ели обратить внимание на последствия двух лет войны западных держав против России, мы увидим, что Ан-

глия потеряла свою единственную, блистательную и многостоящую армию, свое преобладание на море, уважение к себе внутри и извне... В два года она удвоила у себя налог на доходы и умножила свой государственный огромный долг новыми займами. Франция в два года лишилась 70 тыс. воинов, несколько займов увеличили ее долг на 1,5 млрд франков. Что же касается до Турции, то в два года она почти совсем уничтожена. По признанию своих союзников она потеряла 160 тыс. человек. У нее нет больше армии и резервов». Другие газеты раскрывали крах турецкой экономики, фактически державшейся лишь на периодически возобновляемых кредитах Англии, но часто разбазариваемых султаном и его приближенными.

Известно, что после длительных переговоров Сардинское королевство вошло в агрессивный союз, послав в Крым по одним сведениям 15, по другим – 16 тыс. человек. Но уже в июне численность сардинской группировки сократилась до 12 тыс. человек. Летом из Пьемонта прислали некоторое пополнение, но, согласно информации «Новой прусской газеты», ссылавшейся на сведения итальянских репортеров, к 17 августу насчитывалось 8 тыс. человек под ружьем, 2 тыс. убитых, 3 тыс. больных, и 2 тыс. находились в числе выздоравливающих. Этот же корреспондент сообщал, что от холеры у сардинцев умерли 2004 человека – «ужасная потеря для 15 тысячного корпуса». Очевидно, что сардинцы сознательно скрывали потери, выдавая погибших за заболевших, умерших от эпидемий. В первых числах сентября сардинский король был вынужден послать в Крым подкрепление численностью 5 тыс. человек (хотя англичане добивались посылки войск, доведя их общую численность до 25 тыс. человек), в том числе и потому, что в августовских боях его армия потеряла 22 офицера и не менее 1,2 – 1,5 тыс. рядовых, не считая раненых. Во время боя на Черной речке получил смертельное ранение генерал Монте-Веккио. ■

Окончание следует